

МАРИЯ ШТЕЙНМАН*

ДАР ПОСТ-ВИДЕНИЯ: РЕЦЕНЗИЯ НА НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О КОРОЛЕВСТВАХ ВЕСТГОТОВ**

Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (v – начало VIII в.): исследования и переводы / сост. О. В. Аурова, Е. С. Марвей. — М.: Дело, 2017

Вот так, пройдя через три века Просвещения, мы все еще похожи на Исидора: когда газеты повествуют о наших научных симпозиумах, симпозиумы неотвратимо выглядят волхованием.

У. Эко, «Наука, технология и магия»

Пожалуй, прежде чем вести разговор об этой книге, необходимо обозначить некоторые важные моменты, свидетельствующие о крайней актуальности и своевременности издания. В настоящий момент от историков, культурологов, социологов все чаще можно услышать рассуждения об архаизации современного сознания и — шире — современного социума. Это касается самых различных областей — от истории до социологии и политологии. Возможно, именно этот журнал станет тем пространством коммуникации, где станет возможно, наконец, начать диалог на эту тему. Архаизация касается прежде всего двух аспектов: отношения к государственной власти и места Церкви в социуме по отношению к государственной власти. Причем скорость, с которой архаизация проникает в общественное сознание (отметим — в том числе и с помощью новых медиа), не может не потрясать.

Более того, это явление, весьма заметное в России, носит, по сути дела, общецивилизационный характер. Этот процесс был предугадан Умберто Эко, который в начале наступившего столетия заговорил о «прогрессе навыворот» (Эко, Костюкович, 2007: 10) В идеале три книги

*Штейнман Мария Александровна, к. филол. н., доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, philology@mail.ru.

**© Штейнман, М. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

следует положить рядом друг с другом и читать параллельно: «Теологию и политику. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.)», «Полный назад!» Эко и его же «Пять эссе на тему этики». Ибо те самые тенденции, появление которых итальянский ученый констатировал семнадцать лет назад в Италии, равно как и те, которые мы замечаем в России сегодня, описаны авторами книги, вышедшей в 2017 г. и посвященной вестготам, жившим более двух тысяч лет назад. В этом издании, как сказал бы все тот же Эко, авторам удалось обрести дар «пост-видения», когда события прошлого не только обретают очевидность и убедительность, но и, осмелев, вступают в диалог с настоящим — а значит, и с нами.

Отдельно следует отметить и значимость издания в контексте новых социокультурных и, по сути дела, онтологических вызовов, перед которыми оказалась европейская цивилизация в контексте разнообразных политических кризисов, приведших к массовой эмиграции в страны Евросоюза. Задолго до этого, а точнее, ровно семнадцать лет назад, в 2000 г., Эко снова заговорил о варварах у ворот Европы. Он сформулировал это так: «Феномены, которые Европа все еще пытается воспринимать как иммиграцию, в действительности представляют собой миграцию. Третий мир стучится в ворота Европы и входит в них, даже когда Европа не согласна пускать» (Эко, Костюкович, 2002: 136). Совершенно очевидно, что Европа в XXI в. заняла место Римской империи, и кажется, что на этот раз ее закат близок как никогда. По сути, вызовы, стоящие перед Европой, — это повторение пройденного, а именно — отношений между «римским» и «варварским» у вестготов¹.

Еще один важнейший аспект издания — это образ власти. Эпитет «сакральный», который все чаще проявляется в современном политическом дискурсе применительно к различным проявлениям государственной власти, без сомнения, имеет многовековые корни. И можно только согласиться с автором второй главы, постулирующим, что «ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании». Далее следует еще более важное утверждение: «Репрезентация власти — ключевое условие ее бытия: там, где власть не обозначена символически, она как

¹Некоторые из тех социокультурных вызовов, с которыми уже столкнулась Европа, обозначены в статье «Миграция в XXI в.: социокультурные вызовы и социальное сотрудничество» (Штейнман, 2017).

бы и не существует и, наоборот, там, где присутствует символ, власть проявляется как бы сама собой» (Теология и политика, 2017: 48).

Если говорить о структуре издания, то она очевидным образом делится на две большие части. В первой части, озаглавленной «Бог, король, епископ», рассматриваются различные аспекты политической теологии и теологической политики королевств вестготов. Вторая часть — «Тексты и контексты» — посвящена в большей степени источникам, каждый из которых представляет самостоятельную ценность.

В данной рецензии, однако, будет сделана попытка подойти к этой монографии как тексту, иницирующему другие тексты, трактовки и реплики; активному участнику коммуникации, порождающему переключку смыслов; своего рода мосту, соединяющему эпохи.

Поэтому рискнем выделить некоторые точки наибольшей концентрации смыслов.

Истина у нас, но они думают, что она у них.

Пресвитер Сальвиан

Первая глава — «Арианская» богословская традиция в Вестготском королевстве — выполняет роль своеобразного камертона для всей книги. Слово «арианский» берется в кавычки вполне осознанно, поскольку речь очевидно идет не об арианах как таковых, но о сторонниках так называемой омийской доктрины. Более того, омийство как течение начиналось со вполне благих намерений императора Констанция I объединить противоборствующие течения «через принятие своеобразного доктринального минимума и отказа от обсуждения спорных вопросов» (Теология и политика, 2017: 22). Иначе говоря, омийский символ веры, принятый на Константинопольском соборе в 360 г., изначально представлял собой не только религиозный, но и политический компромисс, основной задачей которого было бы укрепление императорской власти — или, говоря в терминах современного политического новояза, вертикали власти.

Гораздо более интересным, однако, представляется тот факт, что сугубо богословские споры вокруг символа веры демонстрируют желание выстроить теологическую иерархию. Если вероучительная формула Константинопольского собора избегала употребления терминов «сущность» и «ипостась» в сугубо богословском контексте, то у готского епископа Ульфила — по свидетельству Авксентия Доросторского, который называл себя его учеником, — встречается целая система подчинений внутри Троицы. Бог Отец является Богом для Бога Сына, Бог Сын

покорен Богу Отцу, а вот Святой Дух, в свою очередь, подчиняется Богу Сыну. Более того, Святой Дух в представлении Ульфила и его ученика в принципе не обладает божественным достоинством и назван «служгой Христа».

Подобный субординационизм, при всем своем своеобразии, выглядит вполне логичным для сознания, занятого постоянными попытками соотнести между собой различные иерархические структуры и концепты власти божественной и власти земной. До определенной степени можно даже сказать, что привычная картина земной власти проецировалась на власть божественную.

В V в. омиизм пришло в упадок, но мировоззренческая матрица в рамках этого сообщества не изменилась, и арианский епископ Максимин также подчеркивает в своей триадологии внутреннюю иерархичность Троицы, хотя и рассматривает отношения между Богом Отцом, Богом Сыном и Святым Духом как «согласие (*concordes atque unanimes*) неравных по своему достоинству лиц» (Теология и политика, 2017: 25).

Интересно, что все эти аспекты, в свою очередь, оказываются неразрывно связаны с этнической и территориальной спецификой, ибо этническая общность вестготов складывается как арианская. Вестготы противопоставляются римлянам в сочинении Сальвиана. И вновь на первый план выходит вопрос об иерархии внутри Троицы. Для ариан важнее иерархия (Сын меньше Отца), а для сторонников никейской веры — равенство божественных лиц.

Однако подобные религиозные расхождения не способствовали консолидации Вестготского королевства — и вот на смену попыткам диалога приходит идея радикальной унификации Церкви. Готский король Рекаред I обращается в католическую веру, за ним в 589 г. следуют епископы и знать. В этом случае «арианство», демонстративно отвергаемое епископами, становится тем необходимым отрицательным полюсом, от которого нужно оттолкнуться, чтобы выстроить новую иерархию в королевстве.

Победа над варварами. Эксплуатация варваров. Союз с варварами. Победа варваров. Такова судьба империи.

Г. К. Честертон, «Перелетный кабак»

Тема королевской власти у вестготов развивается во второй главе, где рассматриваются ее варварские и римские черты. И снова история повторяется: религиозная принадлежность того или иного готского вождя —

соответственно, Алариха и Радагайса, — становится необходимым аргументом, подтверждающим или опровергающим концепцию соотношения божественной и земной власти того или иного мыслителя. Религия и риторика замечательно сочетаются в «Истории против язычников» Павла Орозия, где Аларих именуется христианином, близким к римлянину, в то время как Радагайс называется язычником, варваром и истинным скифом. Автор главы О. В. Ауров справедливо замечает, что Орозий закрывает глаза на исторические факты ради следования собственной логике: в реальности «близкий к римлянину» Аларих разграбил Рим в 410 г., однако его принадлежность к христианству оказывается гораздо более значимым моментом в полемике против язычников.

Эта весьма показательная деталь становится ключом к исследованию королевской власти у вестготов. Феномен королевской власти в Тулузском королевстве в течение долгого времени рассматривался через призму социально-экономических трансформаций. Однако каково же было в действительности соотношение категорий варварства и «римскости» у вестготов?

Данный вопрос освещается с разных позиций. Это, во-первых, «римское» под личиной «варварского» на примере провозглашения предводителя. Во-вторых — те образы правителей вестготов, которые создаются в латинских и греческих текстах IV–VI вв. Характерно, что именно факт принадлежности/непринадлежности того или иного правителя к римскому государству в определенный момент оказывается ключевым и определяет дальнейшую оценку. И даже принятие христианства не может изменить этот расклад. Напротив, готского короля Теодориха II епископ Клермона описывает в весьма восторженных тонах, выделяя прежде всего его «учтивость» как черту, присущую именно римскому гражданину.

Иными словами, варвару не могут быть присущи те качества, которыми изначально обладает римский гражданин: «учтивость, обходительность, вежливость» (Теология и политика, 2017: 46).

К VI в., однако, подобное жесткое разделение постепенно исчезает, и вот уже образ Теодориха Великого предстает в сугубо позитивном свете.

Внешним выражением власти становится и королевский двор. И здесь крайне интересно приведенное сопоставление понятий *palatium* (ср. Палатинский холм) и *domus*. Последний, например, относится к описанию помещения, в котором пребывает Теодорих I, невзирая на свой королевский статус.

Тем не менее, латинские писатели VI в. тяготеют к тенденции переносить идею императорской власти на вестготских королей. Так, Кассиодор в своей «Хронике», равно как и Исидор Севильский, обращается к латинским терминам, описывающим императорскую власть, когда говорит о королях вестготов. Кассиодор называет Теодориха Великого *dominus noster*, а Исидор Севильский именует королей *princeps* (Теология и политика, 2017: 76).

С точки зрения автора, это свидетельствует о том, что в период с IV по VI в. под влиянием христианства произошло размывание границ римской идентичности: принадлежность к христианству постепенно становится важнее римского происхождения, в то время как «варварскость» деактуализируется и отступает на задний план.

И здесь нельзя не обратить внимание на следующее совпадение — которое, безусловно, не является таковым. Дело в том, что сходную логику, хотя и в несколько ином контексте, демонстрирует нам Дж. Р. Р. Толкин во второй части своей трилогии «Властелин колец». Здесь необходимо сделать оговорку: «Властелина колец» следует расценивать не как образец беллетристики и тем более массовой культуры, но как развернутое рассуждение оксфордского профессора-филолога о природе власти. В свою очередь, власть осмысливается Толкином на самых различных уровнях, в том числе и в историческом контексте. Среди социокультурных матриц его книги есть Рохан, который обычно трактуется исследователями как аналог культуры викингов, перенесенной с моря на сушу. Однако их предводитель носит имя Теоден (*Theoden*). Современные исследователи (Lee, Solopova, 2015; Tolkien's Modern Middle Ages, 2005) проводят параллель между предводителем воинов Рохана и Теодорихом I, тем более что Теоден находит свою гибель в битве на Пеленнорских полях — так же, как Теодорих I погибает в битве на Каталаунских полях, известной также как Битва народов.

Параллель между именами *Teodoric* и *Theoden* кажется вполне очевидной, если обратиться к оригиналу англосаксонской поэмы «Беовульф», где неоднократно встречается написание *þeoden* или *ðeoden*. Так, например, в строфе 129 дается словосочетание *maere þeoden*, переведенное на современный английский как *mighty chieftain*. А в строфе 2134 в идентичном значении *chieftain* встречается написание *ðeoden* (Beowulf, 1997).

Еще одна деталь, роднящая Теодена и Теодориха, — это уже упомянутая учтивость. Воины Рохана описаны как отважные, но непросвещенные кочевники: «They are proud and willful, but they are true-hearted, generous in thought and deed; bold but not cruel; wise but unlearned,

writing no books but singing many songs, after the manner of the children of the Men before the Dark Years» (Tolkien, 1993b: 34). Теоден отличается от своих воинов именно учтивостью: «‘So what is the king of Rohan!’ said Pippin in an undertone. ‘A fine old fellow. Very polite’» (ibid.: 203).

Третий пункт, где пересекаются Теодорих и Теоден, — это, конечно же, вопрос жилища. Собственно, при описании используется слово *hall*. Однако в дальнейшем, в эпизоде, где происходит спор Теодена с Саруманом, последний дает практически пародийное описание жилища варваров: «What is the house of Eorl but a thatched barn where brigands drink in the reek, and their brats roll on the floor among dogs» (ibid.: 232).

За всеми этими деталями скрывается нечто существенно большее, нежели филологическая игра. Толкин уподобляет Гондор Римской империи V в. н. э., а роханцев — возможно, вестготам, а не только викингам. На страницах трилогии, таким образом, разворачивается реплика к разговору о судьбах империи и варваров, причем одни варвары — орки — осаждают великий город, а другие — роханцы, — облагороженные культурной экспансией, защищают его. Однако эффект этой защиты оказывается недолговременным. Даже при условии одержанной победы Гондор не в силах ни продолжать имперскую экспансию, ни просто сохранить свое культурное наследие. Именно поэтому, как представляется, Толкин вынес финал сюжета о Гондоре из основного текста в приложение. Притча о власти перешла в притчу о падении империи, причем империи практически утопической, которой она становится после воцарения Арагорна: состарившись, король добровольно покидает этот мир, а королева Арвен тенью бродит по опустевшему Лориэну, тоскуя по супругу (Tolkien, 1993a).

«Двое смиреннейших служителей матери-церкви! Хотел бы я поглядеть, какие же у нее бывают дворецкие, кравчие и иные старшие слуги», — подумал про себя Вамба, однако же, хотя и слыл дураком, остерегся произнести свою мысль вслух.

В. Скотт, «Айвенго»

В третьей главе прослеживается зависимость различных попыток массового крещения евреев Толедского королевства в VII в. от внешне- и внутривосточных факторов, таких как необходимость установления и поддержания в королевстве религиозного единства. Потребность

в этом, в частности, представлялась вестготскому королю Сисебуту настолько высокой, что этот король-интеллектуал (в глазах современников) отдавал приказы о массовом насильственном крещении евреев, пренебрегая римским правом. Этот отраженный в «Вестготской правде» факт важен не только сам по себе, но и как свидетельство того, что король принимал подобные важнейшие решения без обсуждения с Церковью. В свою очередь, это привело к принципиальному расхождению королевского решения с воистину дивным представлением, распространенным в церковной среде того времени, — со времен Отцов Церкви было известно, что массовое обращение евреев должно произойти непосредственно перед концом времен. Таким образом, с точки зрения церковников, король Сисебут своим поступком ни много ни мало мог приблизить второе пришествие, пойдя тем самым против божественного промысла.

Первоочередной задачей епископов, соответственно, становились сглаживание и нейтрализация последствий королевского приказа. Огромная роль здесь принадлежала Исидору Севильскому, который отстаивал идею сознательного обращения в христианство. Впрочем, противоречие между насильственным и осознанным обращением оказывается для него практически неразрешимым: необходимость выполнять королевскую волю вступает в противоречие с личной позицией. Тем не менее, интересы государства и Церкви сольются воедино в решениях 4-го собора в Толедо.

Одно из наиболее ярких подтверждений подобного слияния можно найти в четвертой главе, где излагается история Толедского королевства с опорой на «Историю Вамбы» и «Письма неверного Павла, который устроил незаконный мятеж в Галлиях против великого правителя Вамбы». Итогом нескольких Толедских соборов, в том числе и состоявшегося в 646 г., стала жесткая система, при которой духовенство встраивалось в существующую иерархию власти. Так, епископы были обязаны приносить клятву верности правителю. Нарушение ее вело к пожизненному отлучению от Церкви. Отлучение было наказанием и за злословие против короля.

Что же касается собственно «великого правителя Вамбы», то в главе доказываемается, что формальных прав на престол у него было не больше, чем у «неверного Павла». Важно, однако, не это. Легитимацией Вамба обязан Юлиану Толедскому, который в своей «Истории» создал один из самых выразительных государственных мифов той эпохи. Подобно

профессиональному политтехнологу XXI в., Юлиан понимает, что запомнят не юридические казусы, а зрелища. И вот — в его трактовке от помазанного елеем затылка Вамбы поднимается столб света и взлетает пчела. Пчела здесь — символ «благоденствия, мудрости, трудолюбия и силы» (Теология и политика, 2017: 124).

Последующие трансформации статуса епископа в соборном законодательстве Толедского королевства рассматриваются в пятой главе.

Глава шестая, посвященная социальным функциям епископской проповеди, — чтение практически обязательное, причем отнюдь не только для историков. Сочинения Исидора Севильского — действительно блестящий пример политических и социальных коммуникаций. По сути дела, в своих проповедях ему удалось создать своего рода идеальную реальность, управляемой «тайной закона». Прихожане вовлекались в эту реальность, и таким образом создавалась не просто религиозная общность, но религиозное единообразие. В сознании прихожан проповедью была сформирована не только религиозная, но и государственная идентичность.

Более того, кроме горизонтальных связей проповедь формировала в общине связи вертикальные, иными словами — выстраивала иерархию. Говоря сегодняшним языком, Исидор Севильский определял лидеров мнений — «старших народа» — и адресовал им свои проповеди как целевой аудитории. Уже потом, выступая в функции коммуникативного медиатора, «старшие народа» доносили смысл проповеди до «нижестоящих».

Вот так, глава за главой, эта монография убеждает нас в актуальности теологии и политики королевств вестготов применительно к нашему времени. Видимо, пора признать, что маятник культуры качнулся в обратную сторону, и вопрос теперь будет заключаться в амплитуде его движения — а также в том, что поджидает нашу цивилизацию в крайней точке. И здесь именно эта книга может стать своего рода дорожной картой, с помощью которой философы предрекают возможные варианты и пути развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.) : исследования и переводы / сост. О. В. Аурова, Е. С. Марей. — М. : Дело, 2017.

Штейнман М. А. Миграции в XXI веке: социокультурные вызовы и социальное сотрудничество // Вестник РГГУ. — 2017. — Т. 7, № 1. — С. 123–128.

- Эко У. Пять эссе на тему этики / пер. с итал. Е. Костюкович. — СПб. : Симпозиум, 2002.
- Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. — М. : Эксмо, 2007.
- Beowulf / ed. by M. Swanton. — Manchester, New York : Manchester University Press, 1997. — Revised Edition.
- Lee S., Solopova E. The Keys of Middle-Earth : Discovering Medieval Literature through the Fiction of J. R. R. Tolkien. — Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Tolkien J. R. R. The Return of the King. — London : Harper Collins Publishers, 1993a.
- Tolkien J. R. R. The Two Towers. — London : Harper Collins Publishers, 1993b.
- Tolkien's Modern Middle Ages / ed. by J. Chance, A. K. Siewers. — London, New York : Palgrave Macmillan, 2005.

Shteynman, M. A. 2017. "Dar post-videniya: retsenziya na novyye issledovaniya o korolevstvakh vestgotov [The Gift of Post-Vision: A Review of New Research on the Visigothic Kingdoms]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2), 162–172.

MARIYA SHTEYNMAN

PHD IN PHILOLOGY; ASSOCIATE PROFESSOR IN THE COMMUNICATION STUDIES AND PUBLIC AFFAIRS DEPARTMENT AT THE HISTORY, POLITICAL SCIENCE AND LAW SCHOOL, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)

THE GIFT OF POST-VISION: A REVIEW OF NEW RESEARCH ON THE VISIGOTHIC KINGDOMS

AUROV, O. V., AND YE. S. MAREY, COMPS. 2017. *TEOLOGIYA I POLITIKA. VLAST', TSEKOV' I TEKST V KOROLEVSTVAKH VESTGOTOV (V – NACHALO VIII V.) [THEOLOGY AND POLITICS: POWER, THE CHURCH, AND TEXT IN THE VISIGOTHIC KINGDOMS (FROM THE FIFTH TO THE EARLY EIGHTH CENTURY)]: ISSLEDOVANIYA I PEREVODY [RESEARCH AND TRANSLATIONS]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: DELO

REFERENCES

- Aurov, O. V., and Ye. S. Marey, comps. 2017. *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (v – nachalo VIII v.) [Theology and Politics: Power, the Church, and Text in the Visigothic Kingdoms (from the Fifth to the Early Eighth Century)]: issledovaniya i perevody [Research and Translations]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Delo.
- Chance, J., and A. K. Siewers, eds. 2005. *Tolkien's Modern Middle Ages*. London and New York: Palgrave Macmillan.
- Эко, У. 2002. *Pyat' esse na temu etiki [Cinque scritti morali]* [in Russian]. Trans. from the Italian by Ye. Kostyukovich. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Simpozium.
- . 2007. *Polnyy nazad! "Goryachiye voyny" i populizm v SMI [A passo di gambero. Guerre calde e populismo mediatico]* [in Russian]. Trans. from the Italian by Ye. Kostyukovich. Moskva [Moscow]: Eksmo.

- Lee, S., and E. Solopova. 2015. *The Keys of Middle-Earth: Discovering Medieval Literature through the Fiction of J. R. R. Tolkien*. Oxford: Oxford University Press.
- Shteynman, M. A. 2017. "Migratsii v XXI veke: sotsiokul'turnyye vyzovy i sotsial'noye sotrudnichestvo [Migration in XXth century: Sociocultural Challenges and Social Cooperation]" [in Russian]. *Vestnik RGGU [RSUH/RGGU Bulletin]* 7 (1): 123–128.
- Swanton, M., ed. 1997. *Beowulf*. Revised Edition. Manchester and New York: Manchester University Press.
- Tolkien, J. R. R. 1993a. *The Return of the King*. London: Harper Collins Publishers.
- . 1993b. *The Two Towers*. London: Harper Collins Publishers.